

А. ВАЛЕНТИНОВ

НАРУШИТЕЛЬ

*Фантастический
рассказ*

Вот она! — тихо сказал Михаил. Я думал, он заорет, грохнет об пол картину или, на худой конец, пустится впрысдку, а он только сказал «вот она» и замер перед экраном. — Ну подойди же, посмотри, — позвал он меня, не обращившись, будто боялся, что стоит ему отвернуться и планета исчезнет.

Я хотел встать, но не смог пошевелиться — волнение превратило мускулы в тряпки. Я даже не смог выдать ни звука, а только смотрел на экран, как на чудо. И видел белые коробки построек, геометрические квадраты полей, темные шелковинки дорог. Планета была обитаема. До сказочности реальная и до неправдоподобия правдоподобная, парила она в лучах голубой звезды, а мы парили над ней на высоте пятисот километров.

— Если атмосфера окажется для нас негодной, я этого не переживу, — сказал Михаил.

Эта мальчишеская фраза заставила меня покраснеть за себя и за него. Кому-кому, а астролетчику следует иметь более крепкие нервы. Очевидно, сказались долгие годы в анабиозе. Я мигом подобрался и вновь почувствовал, что готов ко всяким неожиданностям. И не без удовольствия отметил, что Ми-

хаил, хоть он и командир, до сих пор не может прийти в себя. Он все еще стоял у экрана, и на его побледневшем лице отражалась гамма противоречивых чувств.

Здания и дороги говорят не о многом. Они свидетельствуют только о наличии цивилизации. Но какой!

— Готовь лодку, я полечу, — неожиданно приказал Михаил. О, это уже непростительно! Космонавт, даже открывший обитаемую планету, не имеет права распускаться до такой степени. Я решил сразу привести его в чувство, пусть даже это выйдет грубовато, и выразительно протянул руку к боковой стене. Там, в прозрачном шкафчике, грозно сверкал пластилитовым переплетом толстенный свод космических законов — святая святых астролетчика.

Михаил слегка покраснел, потом нахмурился.

Не отрывая от него строгого взгляда, я процитировал наизусть:

— Раздел пятнадцатый «Первый контакт с вновь открытой планетой», пункт пятый, подпункт «Г»: «Перед первым контактом запускается автоматическая лаборатория для отбора анализов и радиационных измерений».

Михаил как-то странно посмотрел на меня, будто видел впервые.

— А ты забавный малый, в тебе что-то есть. Жалею, что последние двадцать лет я как-то легкомысленно проспал. Надо было бы нам получше понять друг друга.

И, резко повернувшись, он вышел из рубки. Пожав плечами, я двинулся за ним. Михаила так и подмывало пуститься бегом. Но я намеренно сдерживал шаг, и он поневоле держался рядом, опережая меня не более чем на полкорпуса. Я знал, что он ненавидит меня в эту минуту, но твердо решил обуздать его ради его же блага и ради успеха всей экспедиции. Да и в вводной части закона прямо сказано, что излишняя торопливость — гибель для космонавтов.

Мы направлялись в пустой отсек. Овальные коридоры, обтянутые упругим пластиком, медленно плыли навстречу, раздвигались, сворачивали в стороны, и мы не сразу находили дорогу в этой путанице.

...Двадцать лет в анабиозе. Потом автоматы разбудили нас. С еще затуманенным сознанием, пошатываясь на ватных ногах, бросились мы в рубку и увидели планету. И вот оказалось, что мы забыли наш корабль.

А ведь мы знали его еще со студенческой скамьи. Это был обычный серийный звездолет класса «Малый дракон», и когда-то в академии мы изучали его как последнее слово техники. Тогда мы могли пройти по нему с закрытыми глазами...

«Малым драконам» полагалась только одна ракета — «спасательная лодка». По мысли конструкторов, экипаж в случае аварии смог бы продержаться на ней в космосе неопределенно долгое время. Беда только, что пока еще ни один экипаж, терпящий аварию, не успевал до нее добраться. Космос не дает времени на долгие сборы. Так что в основном ракета использовалась для разведки.

Пока я орудовал кранами, снимая ее со стеллажа, Михаил забрался внутрь и дал задание электронному лощману и автоматической лаборатории.

— Оденься, мало ли чего, — хмуро сказал он, подходя к стойке со скафандрами.

Он мог бы не напоминать. Я и так знаю, что при открывании шлюзов перепускной камеры полагается надевать скафандры. За сиреневым забралом шлема лицо Михаила казалось еще более угрюмым.

«Чудак! — подумал я. — Двадцать лет ждали. Что стоит подождать еще несколько часов».

Легкий толчок возвестил, что ракета в пространстве. Мы скинули скафандры и побежали в рубку. Ракета уходила, постепенно теряя высоту. Раз пятнадцать она обогнет планету, пока не войдет в плотные слои, где можно брать пробы. И пока Михаилу не стоит так метаться по рубке.

Я решил еще раз показать ему пример выдержки и вытащил свод законов, чтобы освежить в памяти порядок проведения первого контакта.

— Давай, давай! — ехидно сказал Михаил. — Ведь так важно, что сделать вначале: протянуть руку или сказать «здравствуйте».

— Может, тебе сделать успокаивающий укол! — сдержанно осведомился я, хотя внутри у меня все кипело.

Он отвернулся и подошел к экрану. Я тоже взглянул туда.

Мы проплывали над ночной стороной планеты. Она щетинилась огнями. Это было похоже на ковер с темными и светлыми пятнами. Михаил вдруг шумно выдохнул воздух и как-то сразу обмяк.

— Черт бы их побрал! Им и не снится, что в их двери стучится чужая цивилизация, — с нервным смешком сказал он.

— Это еще как сказать, — осторожно возразил я. — Вполне возможно, что они засекли нас и теперь лихорадочно готовятся отразить «вторжение». Недаром закон...

Он кинул на меня тот же странный взгляд и снова отвернулся.

Планета медленно поворачивалась. Проплыла расплывчатая дуга терминатора, открывая белые города, залитые голубыми лучами. Кое-где искрились моря и озера. Но вообще воды было мало. Мы насчитали всего пять или шесть крупных рек. Очевидно, поэтому в атмосфере почти отсутствовали облака. Над здешними обитателями всегда ясное небо.

Потом мы увидели нашу ракету. Она возвращалась. Так велико было нетерпение Михаила, что он не смог дожидаться стыковки и затребовал результаты анализов по радио. По мере того как на экране выскакивали цифры, лицо его светлело.

Масса 0,98 земной. Радиации нет. Температура двадцать выше нуля. Состав воздуха...

— Ура! — заорал Михаил. — Дышим!

Тут уж и мне захотелось пройтись колесом. Братья по дыханию — это наверняка братья по крови. Честно говоря, мы страшно боялись встретить чуждую нам цивилизацию — продукт эволюции ящеров, или существа, построенные на кремнийорганической основе, или еще что-нибудь в том же роде. Разумеется, любой контакт ценен для науки, но так хотелось встретит

что-то свое, родное. О том, что мы вообще могли нарваться на обитаемую планету, мы предпочитали не думать.

Пока Михаил, путаясь в ремнях, обвешивался фото- и кинокамерами и вставлял пленку в магнитофон, я отдал ракете приказ произвести стыковку. Закон запрещает экипажу одновременно покидать корабль. Один из нас должен был остаться. Само собой разумеется, что остаться придется мне.

— Готово! — сказал Михаил, слегка задыхаясь.

И в этот момент лицо его испуганно перекошилось. Мое, вероятно, тоже. По крайней мере я инстинктивно пригнулся, потому что на нас, словно удар дубины, обрушился визг сирен, и корабль вздрогнул и заскрипел всем корпусом. Михаил вдруг нелепо взмахнул руками, подпрыгнул, и рифленые подошвы его башмаков описали плавную дугу. Потом на меня резко надвинулся лакированный бок пульта, из глаз посыпались искры, и я потерял сознание.

Очнулся я от холода. Ледяные иголки остро покалывали лицо. Я открыл глаза и в расплывающемся свете с трудом разобрал что-то розовое неопределенной формы. Только через несколько секунд, когда предметы приобрели четкость, я понял, что это лицо Михаила. Одной рукой он оттирал кровь, другой поливал меня из сифона газированной водой.

— Полный порядок! — успокаивающе сказал он. — Самый обыкновенный метеорит. Я уже просмотрел пленку. Автоматы сделали вираж, и все обошлось благополучно, если не считать наших синяков.

Я удовлетворенно закрыл глаза, но вдруг неожиданная мысль заставила меня вскопиться.

— Но ведь локаторы обязаны «увидеть» метеорит за сто тысяч километров, а на таком расстоянии можно очень плавно отвернуть. Значит, следящая система не в порядке!

— Да успокойся ты, наконец, все в полном порядке. Просто метеорит заслонила ракета, — нетерпеливо перебил Михаил и пошел в умывальную. Я слышал, как зашумело электрическое полотенце. Потом он вошел, застегнутый на все «молнии», и выразительно уставился на меня. Я молча поплелся за скафандром.

Стиснув мне на прощанье плечи, Михаил вбежал в перелупскую камеру, и стальная дверь плавно скользнула в пазах. Теперь он уже принадлежал другому миру. Я отчетливо представил, как открывается наружный шлюз, как Михаил отталкивается от корабля и плывет к ракете. Как проникает внутрь, садится за пилотское кресло...

Резкий звонок заставил меня вздрогнуть. Над внутренним шлюзом настораживающе заморгала лампочка. Михаил возвращался. Зачем!

Машиной проверив, все ли в порядке со скафандром, я подбежал к двери, обливая внезапно пересохшие губы.

Дверь отъехала. В глубине тускло освещенной камеры стоял Михаил, неловко привалившись к стене. Лицо его было как алебастровая маска.

— Все пропало! — глухо сказал он.

Не помня себя, я рванул рычаг наружного шлюза и, машинально накинув предохранительный пояс, прыгнул в космос.

Мне показалось, что я прыгнул в расплавленную реку. Звезда щедро раскидывала плотные волны света. Даже через скафандр я ощущал их упругие толчки. Планета искрилась весенней зеленью, как жемчужина, на нее было больно смотреть. Она быстро уходила вверх и куда-то вбок, но это был обман зрения. Просто я поворачивался через голову, и скоро в поле зрения попал корабль. Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем я осознал, что случилось, а осознав, чуть не закричал от ужаса. Корма была изуродована, словно чьи-то злые руки остервенело рвали ее. А потом бесформенный кусок металла — все, что осталось от ракеты. Проклятый метеорит! Автоматы рванули корабль навстречу подхлотившей ракете. И вот ракета уничтожена, а у нас разбиты две посадочные дюзы. Теперь посадить корабль невозможно. Он будет кувыркаться, как кувыркаются остатки ракеты, постепенно удаляясь от нас.

Ничего не оставалось, как уходить к Земле. Главный двигатель, к счастью, цел. Он забросит нас в солнечную систему, а там вызовем помощь.

...И опять мы шли по бесконечным коридорам, только теперь Михаил все время отставал. Потом он свернул в свою каюту, и герметическая дверь отсека все звукнула. Я подумал, что Михаил по складу характера просто не имел права становиться космонавтом. В экспедиции нельзя обнажать свои переживания, космос не место для слабых. Мне тоже хотелось кусать локти, однако я сдержался, не бросился на кровать, в бессильной ярости колотя кулаками по подушке, а пошел обратно в рубку. Дело прежде всего. Впереди у нас еще двадцать лет пути. Вот и переживай себе на здоровье, болтаясь в анабиозной ванне.

Теперь, когда все рухнуло, я не хотел — просто не мог — задерживаться здесь ни одной лишней секунды и, придя в рубку, заставил счетную машину рассчитать обратный курс с учетом выхода из строя вспомогательных дюз. Задача была не из легких, и машине пришлось поработать. Наконец она закончила и огорчила меня тем, что обратный путь удлинился на два года.

Пока машина прогоняла через себя миллионы цифр, я сел в кресло и горестно задумался. Эх, если бы автоматы умели выбирать меньшее из двух зол! В конце концов что мог сделать крохотный метеорит! Ну прошил бы корабль насквозь. Так авария была бы ликвидирована в полчаса. А теперь...

Меня словно кольнуло. Я резко обернулся. Сзади стоял Михаил. Лицо его было холодным и решительным.

— Вот что, старик, — негромко сказал он. — Ты только постарайся не удивляться, я остаюсь.

Кстати говоря, я не удивился. Подсознательно я ждал чего-то подобного. Но тем не менее сердце мое заняло в предчувствии беды.

— Где ты остаешься! — задал я совершенно ненужный вопрос.

— Там, — он кивнул на экран.

Я подумал, что только холодная, беспощадная логика может привести его в чувство.

— До планеты пятьсот километров, Миша. Корабль не посадишь, лодки у нас нет.

— Я спущусь на буере,— перебил он,— и на парашюте.
Я почувствовал, что по спине скатываются холодные капли. Этот человек сошел с ума.

Буер — это крохотная ракетка с ручками, держась за которую можно совершать короткие прогулки в космосе. Запас горючего на полтора часа. Михаил хотел, повернув буер сплном вперед, погасить скорость парения, чтобы падать на планету вертикально и не сгореть, а при входе в плотные слои раскрыть парашют.

Сдерживая дрожь в пальцах, я проиграл этот вариант на счетной машине. Вероятность благополучного спуска оказалась равной одному к девяносто девяти. Михаил и бровью не повел.

— Хоть один к миллиону! — безмятежно сказал он. — Если есть самая крохотная возможность, я ее использую.

— А почему бы тебе просто не прыгнуть в космос без скафандра! — спросил я как можно ядовитее.

Честное слово, он посмотрел на меня с сожалением.

— Самоубийство — это возвратиться ни с чем. И это не только самоубийство, это предательство. Да, да, предательство! — раздраженно закричал он, хотя я не произнес ни слова. — Предательство по отношению к умершим. Пока мы валялись в анабиозе, над землей пролетело триста двадцать четыре года. Все, кого мы знали, умерли. Их внуки тоже умерли. Но мы обязаны выполнить их завещание. Вспомни академика Сергеева, его речь на прощальном митинге. «Ребята, — сказал он. — Вы летите в мечту. Пройдут столетия, новые поколения землян будут знать о нашей эпохе по страницам учебников. И вдруг явитесь вы. И не с пустыми руками, а подарите им новую планету, населенную братьями по разуму. Это будет подарок, достойный нашей эпохи... Деда подарили нам Луну и Марс, отцы — всю солнечную систему. Мы дарим потомкам Галактику», — Михаил судорожно вздохнул. На его впалых щеках вспыхнули красные пятна. — Ради этой мечты мы отказались от всего — от родных, от друзей, от любимых, от своего времени наконец. А это страшно — отказаться от своего времени. Но еще страшнее — если эти жертвы напрасны.

По нас, по нашим делам будут судить о людях нашего времени. Мы должники своей эпохи. И я хочу, чтобы нас встречали с восхищением!

— Не слишком ли много ты берешь на себя, идиот!! — заорал я, вскакивая с кресла. Сейчас я был готов убить его. — Наше поколение не нуждается в рекламе. Да и люди, очевидно, не поглупели за эти столетия и поймут, что мы с тобой сделали все, что в наших силах. Правда, честно говоря, мы вообще ничего не сделали, но это уж не наша вина. Закон прямо говорит...

— Стоп! — сказал Михаил с улыбкой, от которой у меня внутри похолодело. — Вспомни: на нашей памяти вносили изменения в закон! А сколько их было за триста лет! Кто знает, как он велит поступать теперь в подобных случаях и не упрекнуть ли нас, если мы вздумаем вернуться просто так, в нарушении закона, а не в слепом повиновении ему!

Он замолчал. Молчал и я. Потом Михаил подошел ко мне, обнял за плечи.

— Так что, старик, я выполню программу. Когда ты вернешься на Землю и организуешь новую экспедицию...

— Ты будешь мертв! — с отчаянием воскликнул я.

— Правильно. Но мои следы останутся на планете. Тебя, разумеется, не пустят в новый полет. В этом отношении закон, я думаю, не изменится. Но те, кто сюда пробьется, увидят, что их ждут. К тому времени планетяне забудут, где моя могила, но легенды обо мне будут жить. Обо мне и моих братьях, которые обязательно прилетят.

Больше мы не разговаривали. Молча снарядил я его в путь, молча открыл шлюзы, молча обнял на прощанье. А потом три часа не отрывался от экрана, следя за крохотной точкой, пока она не скрылась.

Он все-таки припланетился. Благополучно, по его словам. Правда, что-то случилось с ногой. Он не сказал, что именно, но по его напряженному тону я догадался — нога здорово болит. Тем не менее он успел надуть палатку и собрался отдохнуть после трудного спуска. Планета ему понравилась. Он уверял, что здешний воздух пахнет фиалками. Прежде чем отключить передатчик, он послал привет Земле. Тут голос его впервые дрогнул.

Потом я включил двигатель, и автоматы вывели корабль на орбиту. Через несколько часов разгон закончится и я лягу в анабиозную ванну.

Планета давно уже превратилась в крохотный голубой шарик, а перед моим взором все еще стоят белые города, облитые ласковыми лучами недалекой звезды.

Не знаю, что думает обо мне Михаил, но в одном он ошибся. Я вернусь. Вернусь во что бы то ни стало, и никакой закон меня не удержит. Вернусь, чтобы тоже выполнить программу.

